

УДК 908(571.17)“1775/1860”

МЕНТАЛЬНОСТЬ КУЗНЕЦКИХ КРЕСТЬЯН (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Статья III. Ценность жизни и восприятие власти

Морозов Николай Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: oven.777@mail.ru

Внимание к теме обусловлено потребностью в изучении региональных особенностей крестьянской психологии, определявшей духовный склад российского общества. Поставлена задача конкретизировать проявления ментальных установок восприятия представителей власти и ценности жизни сельского простолюдина.

Отмечено религиозно окрашенное отношение к самодержцам – Помазанникам Божиим, а также наличие случаев самозванчества. Для крестьян неординарными представлялись встречи с представителями губернских властей. В отношении чиновников местного (уездного, волостного, заводского) уровня уже отсутствовали наивные представления о высоком призвании слуг царя. Поэтому у местных жителей нормой считалось стереотипное поведение на основе двоемыслия – продукта повторившихся суровых уроков рассогласованности между должным и обстоятельствами его исполнения. Приведены примеры крестьянского бунта, обусловленного проявлением противоречий между сформированными в крестьянской психологии началами: «мирским», ассоциируемым с волей, и «государственным» – основополагающим для укрепления русского общества, но урезающим права народного самоуправления.

Обоснован вывод о том, что в моменты безысходности или страха, «по жизни» сопровождавшие материально и(или) нравственно неблагополучный слой крестьянства, поверхностно усвоенные элементы религиозной морали (при отсутствии привычки следовать нормам светского законодательства) в сознании отдельных жителей при определённых обстоятельствах уступали место установке на самосохранение ценою жизни другого человека.

Ключевые слова: ментальность кузнецких крестьян, установка, стереотипы восприятия власти, ценность жизни.

MENTALITY OF KUZNETSK PEASANTS (THE END OF XVIII – THE FIRST HALF OF XIX CENTURY)

Article III. Value of Life and Perception of the Power

Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD in History, Researcher, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oven.777@mail.ru

The task to concretize manifestations of mental installations of perception of authorities and the value of life of the rural commoner is set. The attention to a subject is caused by need for studying of regional features of the country psychology defining the spiritual base of the Russian society.

The task to concretize manifestations of mental system of perception of authorities and the value of life of the rural commoner is set. The attitude towards monarchs Lord's anointed and existence of cases of a pseudo imposture are noted. For peasants, extraordinary meetings with representatives of the provincial authorities were presented. Concerning officials local (district, volost, factory) level already there were no naive ideas of high calling of servants of the tsar. Therefore at local stereotypic behavior on the basis of doublethinking was a product of the repeating severe lessons of a mismatch between an obligation and circumstances of its carrying out was considered as norm. Examples of the country revolt caused by manifestation of contradictions between the beginnings created in country psychology are given: "wordly" associated with will and "state" with fundamental for strengthening the Russian society, but curtailing the rights of national self-government.

Valid conclusion about that at the moments of a hopelessness or fear "on life" accompanying the material and moral unsuccessful layer of the peasantry, superficially acquired elements of religious morals (in the absence of a habit to follow standards of the secular legislation) in consciousness of certain inhabitants under certain circumstances gave way to installation on self-preservation by the price of life of other person.

Keywords: mentality of Kuznetsk peasants, installation, stereotypes of perception of the power, life value.

Стереотипы восприятия представителей власти

В картине мира русского крестьянина исторически отложились и уже многие столетия сосуществуют две внутренние альтернативы: «мирская» и «государственная». Первая всегда ассоциируется у него с идеальными представлениями о духовном и материальном единении людей, с пониманием приоритетов общности их поведения – коллективизмом. В реальной жизни эти образы частично материализовывались в деятельности самоуправляемой крестьянской общины, объединявшей по территориальному признаку жителей одной деревни (села), состоящих в одном православном приходе, в совместном решении ими общих производственных вопросов.

Приоритет государственности как другая альтернатива был усвоен народом ещё в период Московского царства (XIV–XVI века), в коллективном сознании которого сложился идеализированный образ верховной власти, обременённой долгом с православно-мессианским и нравственным наполнением и ответственностью по принципу справедливости перед обществом (отношения этатизма) и человеком (отношения патернализма). Менталитет русских проявлялся в религиозно окрашенном отношении народа к самодержцам – Помазанникам Божьим, с ними он связывал свои надежды и чаяния.

Удалённость от столиц и, как следствие, дефицит достоверной информации о новых веяниях во внутренней жизни империи превращали слухи, курсировавшие среди населения Сибири, в один

из основных каналов уведомления о прошедших и предполагаемых важных событиях, частью находивших сочувствие у простых людей, дополнительно подгружавших их смыслы своей интерпретацией.

До конца XVIII века в крестьянской среде были популярны легенды о чуде спасшемся справедливым царе-«избавителе» («Петр Алексеевич второй император», «Пётр III», «Павел Петрович», «Константин» и др.) [8, с. 43, 45]. В сознании простолюдинов, несмотря на ощущаемую огромную дистанцию между царём и мужиком («до бога высоко, до царя далеко»), бытовало стереотипное понимание ответственной миссии государя. С одной стороны, он представлялся защитником народа, обеспокоенным повышением благосостояния своих подданных, с другой – трагической фигурой, окружённой корыстными приближёнными, саботирующими добрые намерения монарха.

На этом по-обывательски наивном информационном фоне и в ожидании скорого появления реальной фигуры венценосного спасителя объявлялись авантюрного склада личности – лжемонархи, которых только в Сибири с 1742 по 1797 год, по подсчётам историков, было пять. Местные власти неоднократно вылавливали самозванцев – людей, виновных в том, что в «непристойных речах» и не более того, как правило, сказанных «пьянским обычаем», обмолвились о своих притязаниях на корону, впоследствии отрекаясь от крамольных слов. Так случилось с крестьянином д. Берёзовой Тарсминской во-

лости Е. Морозовым, отмечавшим 9 ноября 1797 года Михайлов день, во время пирушки собиравшим собутыльникам: «Знаете ли вы, кто я? Вет я царь!» [13, с. 104]. Говорун тут же был схвачен. Состоялось следствие, по результатам которого земский управитель П. Кузинский отпустил незадачливого мужика, действительно бывшего в этот день «в довольной подгулке». Через 2,5 года Морозов всё-таки понёс наказание.

На следующую (по нисходящей линии) ступень недосыгаемости крестьянство ставило губернскую власть. И если Петербург с его дворцами в народном сознании сравнивался с недоступным «тридесатым царством», то любые контакты с высшими чиновниками из Барнаула и Томска представлялись просто неординарным явлением [9, с. 148]. В общении жителей кузнецкой деревни с властями местного (уездного или волостного) уровня уже отсутствовали следы наивных представлений о высоком призвании государственного служащего, от произвола которого благоразумнее было откупиться или спрятаться. Характерный для менталитета русских стереотип двоемыслия [6, с. 274] – продукт повторявшихся суровых уроков рассогласованности между должным и обстоятельствами его исполнения – был нормой поведения жителей сибирской деревни перед начальством. Представителей последнего, как утверждает Н. А. Миненко, им приходилось терпеть как неизбежное зло, им нельзя было, по мнению крестьян, верить; долг чести предписывал обманывать при каждом удобном случае [4, с. 70–71].

Отсутствие существенных ограничений в землевладении и единоличном ведении хозяйства, с одной стороны, и широкие полномочия гражданской и заводской администраций вторгаться в жизненное пространство крестьянина – с другой, сформировали у него в качестве защитной реакции постоянную настороженность к «чужим», стремление не допустить другого человека за некую черту, где исчерпывается лимит терпения и многократно обостряется переживание дискомфорта. При этом хитрость перед «чужими» не считалась у старожилов чем-то зазорным. В словаре сибирского говора первой половины XIX века слово «ум» означало «хитрость». Отсюда такого рода обман (хитрость) выглядел средством спасения от зла [1].

В сознании крестьянства периодически и вполне закономерно между конфликтующими альтернативами – «мирской» и «государственной» – накапливалось напряжение, которое отчасти сбрасывалось с помощью народного бунта, признанного в координатах ценностно-рационального мышления, характерного для наших соотечественников, явлением бессмысленным и жестоким. Он всегда был направлен на разрушение основополагающего для русского общества государственного начала, которое, в итоге, укреплялось, но приводил к урезанию прав народного самоуправления, и, таким образом, к неоправданным жертвам.

Проявлениями бунта можно считать небольшие по накалу протестные выступления крестьян на юге Томского и в Кузнецком уездах в 1781–1782 годах, которые уже по инерции выражали разочарование итогами Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачёва и, в основном, были направлены против отработки повинностей приписным населением, проживавшим на расстоянии 150–300 вёрст от заводов. В ходе следствия обнаружилось серьёзные просчёты в раскладке работ, была упорядочена нарядная система, а наиболее удалённые волости Томского уезда выводились из числа приписных. Отказ выполнять дополнительные работы, утверждённые Горной экспедицией, привёл в 1784 году к массовому невыходу крестьян Кузнецкого уезда на лесосеки. В начале 1790-х годов очередные волнения среди населения Варюхинской, Ояшинской и других волостей были связаны с отказом выполнять урок в размере большем, чем за одну душу [7, с. 14–15, 62–63].

В 1797 году наиболее удалённые от заводов селения заводского ведомства были заменены тремя прииртышскими слободами и сл. Пачинской Кузнецкого уезда. В середине сентября для описания имущества крестьян в слободу прибыл земский управитель В. Ахвердов. В воскресный день 13 сентября «с утра до вечера со всех деревень жители съезжались в земскую избу, где имели не понятный толкований», а к вечеру делегация во главе со старостой и четырьмя выборными объявили общее решение – остаться в прежнем положении экономических крестьян [7, с. 51]. В январе 1798 года приехавшему управителю Беликову пачинцы вновь отказались предоставить

«перечневые ведомости и именные списки» и подтвердили нежелание «заводскими крестьянами именоваться». 28 апреля обер-гитенфервальтер Качка и шихтмейстер Второв доставили командиру Томского мушкетёрского полка генерал-майору Ивеличу письменное уведомление о бунте. Уже 4 мая полк вступил в слободу и «употребил всевозможные воинские средства» в приведении крестьян «к должному послушанию и повиновению заводскому начальству» [12].

Следующим актом массового неповиновения стал бунт крестьян Бачатской волости в 1816 году – в разгар строительства Гурьевского сереброплавильного завода. Поводом послужила созданная волостным писарем Зиновием Синкиным и земским управителем Тегенцовым система раскладки заводских отработок (прокладка дороги, обустройство лесосек, подвозка строительных материалов и др.), предусматривавшая их перераспределение на плечи бедняков в интересах богатой верхушки сельского общества. Выход из конфликтной ситуации крестьяне увидели в замене Синкина крестьянином Ворониным, которого выбрали и утвердили в должности мирским приговором. Впрочем, такое решение не устроило земского управителя, призвавшего на помощь военную команду из Салаира во главе с офицером Тихобаевым. Сразу же начались аресты зачинщиков, которые лишь подстегнули разгневанных сельчан к более решительным действиям, с помощью тумачков обративших малочисленную команду солдат в бегство.

По распоряжению главного начальника горного округа Эллера, в с. Бачатское для наведения порядка был командирован следователь Морхинин в сопровождении солдат. Двадцать наиболее активных участников бунта были арестованы, выпороты (по 100 ударов каждому) и высланы на отдалённые алтайские рудники. Плетьюми и палками были наказаны все деревенские старосты, поставившие свои подписи под мирским приговором.

Однако цель бунта всё же была достигнута. В 1817 году бачатцу Фёдору Колмогорову, рисковавшему быть остановленным в дороге и наказанным за самовольную отлучку, удалось добраться до столицы и подать жалобы на имя управляющего Кабинетом, министра юстиции и генерал-губернатора Западной Сибири. Таким образом, события получили нежелательную огласку.

Возобновлённое разбирательство совпало с назначением на пост Главного начальника горного округа П. К. Фролова, с энтузиазмом принявшего наводить порядок в заводском хозяйстве, развернувшего борьбу с должностными злоупотреблениями. В результате Морхинин и Тегенцов были преданы суду [10, с. 41–45].

Следующая волна крестьянских выступлений была вызвана распространявшимися в 1831 году – в период передачи кабинетских заводов в аренду министерству финансов – слухами о переводе приписных крестьян в государственные. На этот раз центром сопротивления стала д. Варюхина Ояшинской волости. Ввиду опасности распространения беспорядков на соседние территории, томский гражданский губернатор лично выезжал для его подавления силами воинской команды [8, с. 23].

Мотивы бунтарства, борьбы одиночек за справедливость, собирательный образ бесшабашного и лихого героя из низов – все вместе нашли воплощение в легендах мастеровых о Сороке – своеобразном Робин Гуде Салаирского края. Тайком передавая рассказы о нём – от соседа к соседу, из поколения в поколение, – работный люд постепенно мифологизировал возможный прототип Сороки, наделяя его сверхъестественной силой и редкой удачливостью [5, с. 67–73; 11, с. 37–40]. Таким путём коллективное сознание положительной эмоцией компенсировало простому человеку горечь несбывшихся ожиданий, оставляло подневольному надежду на мечту.

Отношение к ценности жизни

За неполных два столетия с момента начала освоения Кузнецкого края у крестьянства сформировалось избирательное отношение к ценности человеческой жизни. Овладение средствами для существования или решение сиюминутных проблем через убийство людей откликнулись в общественном сознании не только осуждением, но также прагматичным пониманием и в какой-то мере – сочувствием. Говоря словами Н. А. Кострова, «создался для нравственности своеобразный масштаб, основывающийся на ощущениях удовольствия и страдания, и затем на экономических потребностях» [3, с. 67].

Несомненно, в жёстких условиях самовывивания и «палочной дисциплины», насаждаемой

в отношении потомков первых поселенцев, среди которых преобладали далеко не законопослушные и богобоязненные подданные, размышления неграмотного и к тому же запуганного властями деревенского мужика или измотанного на салаирских рудниках полуголодного бергала, не отличались глубиной созерцания собственного внутреннего мира. Безысходность положения и отчаяние притупляли чувствительность к чужому горю не только у таких людей, но и сочувствовавших им более состоятельных односельчан, находившихся в пограничном психологическом состоянии. Поэтому «наш крестьянин-старожил, – писал современник, – <...> каждое преступление считает – несчастием, каждого преступника – несчастным, а каждый проступок – бедою, грехом, принимая однако же слово “грех” не в смысле нарушения нравственно-религиозных постановлений, но в смысле простой случайности, происшедшей от неосторожности, которую легко можно бы было предотвратить» [3, с. 62].

Повседневную жизнь крестьян нередко тревожили шайки разбойников. Так, в 1830-е годы в окрестностях деревень Усятской, Зенковой, Монастырской и с. Томского Кузнецкого уезда «угнездились» беглые заводские служащие Яренсков и Дмитриев, промышлявшие сбором милостыни, сезонными заработками в страдное время, нередко обворовывали дома, насильничали и занимались грабежами на лесной дороге [2, с. 84].

У жителей деревни сочувствие к нищенствующим проявлялось не только из христианского сострадания и возможности от случая к случаю использовать в хозяйстве «дармовые» рабочие руки, но также из боязни «шалости» с их стороны, если не приветили должным образом. Как правило, особенно во время полевых работ, когда в селениях оставались одни старики и малолетние, в незапертых избах на видном месте хозяйки оставляли съестные припасы для прохо-

дящих мимо бродяг в надежде, что сытый путник не «напакостит» и уйдёт дальше [3, с. 88].

Местные власти периодически вылавливали праздношатающихся. Для хлебосольных домовладельцев предусматривалось судебное наказание за «пристанодержательство». Очевидно, боязнь быть уличёнными в непослушании и заставила крестьян Шелковниковых, Власовых и других из деревни Мохнатый лог, вскоре после инспекторского визита прапорщика Сионина, пристрелить неожиданно объявившегося там для сбора милостыни бродяжку Василия Родименького, а тело несчастного спрятать в овраге [2, с. 110].

Таким образом, в моменты безысходности или страха, «по жизни» сопровождавшие материально и(или) нравственно неблагополучный слой населения Кузнецкого края, поверхностно усвоенные элементы религиозной морали (при отсутствии привычки следовать нормам светского законодательства) в сознании отдельных жителей при определённых обстоятельствах уступали место установке на самосохранение ценою жизни другого человека.

Рассмотренные выше сюжеты повседневности кузнецкого крестьянства, как видим, наполнены проявлениями мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами. В них отразилась специфика общей для жителей Среднего Притомья среды жизнедеятельности: природно-климатических условий; характера хозяйственной колонизации и политики местных властей; особенностей трудовых, бытовых и семейных отношений на землях Кабинета, а также религиозно-общинное мировоззрение русскоязычной части населения. Дальнейшее изучение совокупности выявленных установок, предрасположенностей и других структур, как ментального уровня, так и рационального мышления, в будущем позволит приблизиться к адекватному представлению обобщающего психологического портрета местного сельского общества.

Литература

1. Андрюшев Б. Е. Мир старожилов Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
2. Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разныя особенности в условиях их жизни и быта. (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). – Томск: Типо-литография М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. – 138 с.
3. Костров Н. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. – Томск: Том. губерн. тип., 1876. – 117 с.

4. Миненко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX века. – Новосибирск: Наука, 1989. – 160 с.
5. Мисюрев А. А. Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. – Новосибирск: Новосиб. обл. изд-во, 1933. – 132 с.
6. Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI веков. – Кемерово: Практика, 2014. – 401 с.
7. Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. – 177 с.
8. Побережников И. В. Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма: учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1989. – 80 с.
9. Почеревин Е. В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX века // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2007. – № 4-3 (56). – С. 148–150.
10. Сорокин М. Бунт // Разыскания. Ист.-краевед. альм. – Кемерово, 1992. – Вып. 2. – С. 41–45.
11. Сорокин М. Е. Гурьевск. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1996. – 191 с.
12. Томские губернские ведомости. – 1893. – № 44.
13. Усенко О. Г. Лжемонархи в Сибири до XIX века // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения. Мат-лы окружной науч. конф., посвящ. 300-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера, Нижневартовск, 24–26 марта 2005 года. – Нижневартовск: Нижневартов. пед. ин-т, 2005. – С. 103–107.

References

1. Andryusev B.E. Mir starozhilov Sibiri [World of old residents of Siberia]. (In Russ.). Available at: <http://andjusev.narod.ru/index2.htm> (accessed 02.12.2015).
2. Belikov D.N. Pervye russkie krest'yane-nasel'niki Tomskogo kraia i raznyya osobennosti v usloviyakh ikh zhizni i byta. (Obshchiy ocherk za XVII i XVIII stoletiya) [The first Russian peasants monks of Tomsk edge and different features in the conditions of their life and life. (The general sketch for XVII and XVIII centuries)]. Tomsk, Tipo-litografiya M.N. Kononova i I.F. Skulimovskogo Publ., 1898. 138 p. (In Russ.).
3. Kostrov N. Yuridicheskie obychai krest'yan-starozhilov Tomskoy gubernii [Legal customs of peasants old residents of the Tomsk province]. Tomsk, Tomskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1876. 117 p. (In Russ.).
4. Minenko N.A. Zhivaya starina. Budni i prazdniki sibirskoy derevni v XVIII pervoy polovine XIX veka [Live old times. Everyday life and holidays of the Siberian village in XVIII – the first half of the XIX centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989. 160 p. (In Russ.).
5. Misyurev A.A. Legendy i byli. Skazaniya altayskikh masterovykh [Legends also were. Legends of the Altai workmen]. Novosibirsk, Novosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 1933. 132 p. (In Russ.).
6. Morozov N.M. Kontseptualizatsiya istoricheskogo znaniya o rossiyskoy tsivilizatsii na rubezhe XX–XXI vekov [Conceptualization of historical knowledge of the Russian civilization at a boundary of the XX–XXI centuries.]. Kemerovo, Praktika Publ., 2014. 401 p. (In Russ.).
7. Poberezhnikov I.V. Massovye vystupleniya krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII veke [Mass actions of peasants of Western Siberia in the XVIII century]. Novosibirsk, NGU Publ., 1989. 177 p. (In Russ.).
8. Poberezhnikov I.V. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady russkikh krest'yan Sibiri v period pozdnego feodalizma. Ucheb. posobie [Political views of the Russian peasants of Siberia in the period of late feudalism. Manual]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ., 1989. 80 s. (In Russ.).
9. Pocherevin E.V. Otnoshenie krest'yan Zapadnoy Sibiri k gosudarstvennym organam upravleniya i chinovnikam v nachale XX veka [The relation of peasants of Western Siberia to government bodies of management and officials at the beginning of the XX century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai state university]*, 2007, vol. 4-3 (56), pp. 148-150. (In Russ.).
10. Sorokin M. Bunt [Revolt]. *Razyskaniya. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh [Investigations. Local history almanac]*. Kemerovo, 1992, vol. 2, pp. 41-45. (In Russ.).
11. Sorokin M.E. Gur'evsk [Gurevsk]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1996. 191 p. (In Russ.).
12. Tomskie gubernskie vedomosti [Tomsk provincial sheets], 1893, no. 44. (In Russ.).
13. Usenko O.G. Lzhemonarkhi v Sibiri do XIX veka [Pseudo-monarchs in Siberia till XIX century]. *Zapadnaya Sibir': problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya. Mat-ly okruzhnoy nauch. konf., posvyashch. 300-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Millera, Nizhnevarтовsk, 24-26 marta 2005 goda [Western Siberia: problems of history, historiography and source study. Materials of the district scientific conference devoted to the 300 anniversary since the birth of G. F. Miller; Nizhnevarтовsk, on March 24-26, 2005]*. Nizhnevarтовsk, Nizhnevarтовsk Pedagogical Institute Publ., 2005, pp. 103-107. (In Russ.).